

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ЭВОЛЮЦИИ И ДИНАМИКЕ

(Открытый Научный Семинар
Института Синергийной Антропологии)

В Москве начал свою работу *Институт Синергийной Антропологии (ИСА)*, созданный на началах автономной некоммерческой организации. Институт намерен заниматься актуальной антропологической проблематикой, затрагивающей основные гуманитарные дисциплины: богословие, философию, психологию, лингвистику и семиотику, искусствоведение и художественные практики, историю мысли и культуры.

Фундаментом намечаемых исследований будут служить принципы синергийной антропологии – нового трансдисциплинарного направления в изучении феномена человека, которое возникло и сформировалось в России в течение последнего десятилетия. Эти принципы, выдвинутые в работах С.С.Хоружего, опираются на опыт мировых духовных традиций и, в первую очередь, православного исихазма, осмысление которого в средневековой Византии породило богословское понятие *синергии* – сообразования, согласованного действия и соединения разнотелных энергий, Божественных и человеческих. Интегрируя в контекст современной философии и науки древние антропологические подходы и практики, синергийная антропология вводит с их помощью новые базовые понятия и намечает контуры цельной антропологической модели, принципиально отличной от моделей человека, разработанных в рамках классической европейской метафизики.

Новый институт создан на базе возглавляемого академиком РАЕН С.С.Хоружим научного коллектива, с 1996 г. входящего в число ведущих научных школ России. Руководители ИСА – С.С.Хоружий и проф. О.И.Геннисаретский. В состав Ученого совета ИСА входят также А.В.Ахутин, Ф.Е.Василюк, В.П.Зинченко, А.П.Огурцов, Г.М.Прохоров и другие известные российские гуманитарии.

Институт строится в тесном сотрудничестве с Высшей Школой Экономики: предполагается чтение сотрудниками Института лекционных курсов, руководство дипломными и диссертационными работами и про-

ведение других форм научно-педагогической деятельности, главным образом (но не исключительно) на философском факультете ВШЭ.

Институт намерен также практиковать разнообразные сетевые формы академической и педагогической деятельности.

Одна из академических функций Института – ведение открытого научного семинара «*Актуальные проблемы изучения феномена человека*». Рабочая тематика семинара ориентирована на разные уровни исследуемой проблематики:

– дальнейшая разработка проблем синергичной антропологии (с особым вниманием к анализу явлений современного антропологического кризиса);

– обсуждение новейших тенденций и достижений в смежных областях науки в контакте с их представителями;

– всесторонний анализ фундаментальной задачи создания новой, антропологически ориентированной эпистемы.

К работе семинара предполагается привлекать как известных ученых (целый ряд из них уже выразили готовность к участию), так и широкие круги научной молодежи.

11 мая 2005г. состоялось первое заседание открытого научного семинара ИСА. Тема – «*Феномен человека в его эволюции и динамике*». С докладом выступил один из руководителей ИСА – *С.С.Хоружий*. Далее мы публикуем расшифровку того, что происходило на этом семинаре.

Первое заседание

С. С. Хоружий: По свойствам места, всякое начинание, совершающееся в стенах Института философии, требует философской рефлексии. Рефлексия же не дает повода для большой гордости или энтузиазма. Я полагаю, стены этого здания видели сотни любых мыслимых семинаров, открытых и закрытых, широких и узких, и полагать, что, открывая еще один семинар, мы сегодня совершаем нечто великое или хотя бы значительное, довольно самонадеянно. Скорее, рефлексия приближает к состоянию Татьяны: «Стыдом и страхом замираю» ... – но семинар все же открываю.

Название нашего семинара – чрезвычайно общее, и таким оно выбрано сознательно. Мы не хотели с самого начала как-либо ограничивать, сужать проблематику нашей работы, редуцируя семинар до органа какого-то направления. Тем не менее, имеется определенное направление, которое для семинара играет особую роль и которое, не исчерпывая его тематики, все же будет в центре нее.

Семинар будет вестись Институтом Синергийной Антропологии – и соответственно, именно синергийная антропология есть тот исходный научный фонд, который предполагается развертывать в семинарской работе. В этом смысле, было бы можно сказать, что мы открываем семинар «Феномен человека с позиций синергийной антропологии – многоотчие – а также и с других позиций». Синергийная антропология – направление свежее, недавно возникшее и вряд ли известное широкой аудитории. Поэтому в первую очередь мне следует его кратко описать.

1. Синергийная антропология как исходный научный фонд семинара.

По содержанию, я выделил бы два краеугольных камня синергийной антропологии и затем, в качестве половинки, добавил бы к ним еще некое методологическое и эпистемологическое содержание. Синергийная антропология, в итоге, представится стоящей на двух с половиной краеугольных камнях. Архитектура сомнительная, но у явлений живых, в динамике, бывает и не такое...

Первый краеугольный камень, с которого начинало развиваться наше направление, – *православный исихазм*. Многомерное, тщательное изучение этого антропологического, культурного и духовного феномена послужило тем исходным ростком, фундаментом, который породил из себя научное направление, названное *синергийной антропологией*. Прежде всего, мы рассматривали исихазм как антропологическое явление. Как мне представлялось, в своих духовных и мистических сторонах изучение этого явления должно совершаться по преимуществу служителями Церкви, людьми духовенства и монашества. Полное, углубленное исследование этих сторон, казалось мне, не должно становиться чисто научной задачей.

Почему исихазм стал краеугольным камнем нашего антропологического подхода? Недавно в Москве Вячеславом Всеволодовичем Ивановым был создан научный центр, названный Русской Антропологической Школой. Название очень удачное, но и весьма обязывающее, если учесть, что на момент создания в стенах РГГУ этой школы, русская антропологическая школа уже существовала около тысячи лет, и основали ее преподобные Антоний и Феодосий Печерские. В их духовной деятельности были истоки русского исихазма – и именно они же были истоками особой антропологической школы, практического антропологического искусства, которое в своих первоистоках развивалось еще несколькими веками раньше в египетских, коптских, палестинских землях. С первых же десятилетий русского христианства оно начало свой *самостоятельный* путь в России. Это и была русская антропологическая школа. Именно так мы

посмотрели сегодня на это явление, и оно послужило для дальнейшей антропологической работы базой данных. Мы нашли в исихазме обширнейший феноменологический массив. Еще прежде его научных интерпретаций и обобщений, он заслуживает интереса и внимания сам по себе. Поэтому первая значительная часть нашей работы посвящена была тому, чтобы просто реконструировать эту традицию, ее наследие, собственно как они есть.

Исторический путь исихастской традиции был своеобразен. Многие столетия она пребывала в забвении и упадке, а в России, когда и не пребывала в упадке, оставалась вне просвещенной культуры и пользовалась вниманием, скорее, в простонародных слоях, чем в рафинированной культуре вестернизированной России 19-20 столетий. Поэтому просто вернуть эту традицию в поле зрения современного культурного сознания, еще до препарирования ее всяческими научными методами, уже было достаточно важной задачей. Однако затем, в русле синергичной антропологии, это явление выступило и в гораздо более общей и научно продуктивной функции.

Исихастская практика выступила для нас как первый проанализированный детально пример «*предельной*» стратегии человека – такой, которая ориентирована к пределу горизонта человеческого существования. Это стратегия размыкания человека к иному бытийному горизонту, «инобытию», в силу чего она одновременно является *метаантропологической* стратегией.

В качестве второй ключевой особенности, исихазм выступил для нас как пример практической *энергичной* антропологии: такой, которая рассматривает человека не со стороны его субстанциально-сущностного состава и не в терминах отвлеченных категорий, но энергично, как совокупность всевозможных энергий, как некоторую организованную систему проявлений.

Далее, мы выяснили, что весь процесс исихастской практики представляется как путь целостного преобразования человеком самого себя в своих энергиях, тем самым, – как классическая «*практика себя*», в терминах Фуко. Человек идентифицирует себя как определенную совокупность проявлений, телесных, психологических, эмоциональных, интеллектуальных, – и с этой полной системой начинает активную работу, целенаправленно преобразуя ее. Для этой цели он должен осуществить не просто зоркую интроспекцию, но и определенную артикуляцию, определенное окачествование себя как энергичного существа. Человек задается некой системой характеристик для своих энергичных проявлений; и констатирует для начала, что они у него рассеяны: они все куда-то направля-

ются, реализуют какие-то всевозможные цели, крупные и мелкие, постоянные и сиюминутные; и пока человек не начал заниматься собой, этот крайне гетерогенный набор проявлений и целей представляет собой раздробленность, разнесенность по всем возможным направлениям.

Затем начинается систематическая работа с этими проявлениями. Человек ставит перед собой особую цель, в достижении которой антропологический горизонт встречается с метаантропологическим горизонтом; и эта цель для него уясняется, обретает отчетливость на основе определенной религиозной традиции, в которую встроено его существование и его духовное самосознание. В случае исихазма, это – христианская, православная традиция. Путь к цели есть то, что называется «духовная практика» – всецелая аутотрансформация, преобразование человеком всего множества своих энергий, которому надлежит возвести постепенно человека к соединению с иным горизонтом бытия.

Человек обнаруживает на опыте, что достичь такой цели возможно лишь, следуя некоторой весьма сложной и строгой методике. Оказывается, что в антропологической школе, какой является духовная практика, человек должен решить целый ряд проблем, с точки зрения научного разума относящихся к философии, герменевтике, психологии. Чтобы осуществить нужную аутотрансформацию, человек должен развить весьма тонкие правила обращения со своими энергиями. Эти правила складываются в обширную, сложноустроенную систему, которую синергичная антропология именуется по-аристотелевски «органомом», что означает – полный канон правил организации, проверки и истолкования духовного опыта.

Если таковой органом наличествует и исполняется, то можно ручаться, что путь, проходимый человеком, и приобретаемый им опыт есть реальная аутотрансформация, проходящая верифицируемые, по-своему, ступени и достигающая той метаантропологической цели, которая была поставлена с самого начала. Такая духовная деятельность может претендовать на то, что это вполне удостоверяемая стратегия, и опыт ее не принадлежит к области субъективных иллюзий и неопишуемых экстатических состояний, как это обычно утверждалось о мистическом опыте представителями позитивистского сознания.

Нашей задачей было описать и проанализировать путь духовной практики, его строение. Уже первыми исихастами-пустынниками открыто было, что этот путь носит характер последовательного продвижения-восхождения и членится на определенно выделяющиеся ступени. Поэтому первый же систематический трактат, где эта практика была описана, носил название «Лествица»; он был, как известно, написан в 7-м веке св. Иоанном Лествичником в монастыре св. Екатерины на Синае.

Ближайшее рассмотрение пути обнаруживает, что он необходимо включает в себя три большие части, или же три вида работы. Прежде всего, должна быть совершена работа отрыва, выхода из сферы обычных стратегий обыденного эмпирического существования. Человек здесь осознает, что та работа, к которой он приступает, не направляется ни к какой цели в горизонте эмпирического бытия, а ориентирована к выходу за эти пределы. Вслед за тем наступает главная работа: человек должен выработать некоторый способ, механизм, который предоставлял бы ему возможность подниматься по Духовной Лестнице, восходить от одной ступени к другой. Это работа по выстраиванию своего рода антропологического и мета-антропологического движителя, который давал бы человеку возможность подниматься вверх. Как у Аристотеля в качестве главного концепта в описании мироустройства выступает некоторый Перводвижитель, так и для онтологического, а не просто антропологического подъема по Духовной Лестнице также необходим движитель. В исихастской традиции соединение дисциплины внимания и дисциплины молитвы создает этот движитель. Затем наступает этап приближения к инобытию, когда происходят уже действительные изменения, в первую очередь, перцептивные перестройки, так называемое «отверзание чувств». Здесь человек сумел уже сделать себя полем действия благодати.

.....
(Из-за технических погрешностей, из записи далее выпало описание второго «краеугольного камня» синергичной антропологии – концепта Антропологической Границы)¹.

2. Задачи и планы семинара: Синергичная антропология как эпистемологическая программа.

[...] И, может быть, самое важное – я надеюсь, мы сможем осуществлять в нашем семинаре работу постепенного выхода к новой эпистеме для сферы гуманитарного знания: *антропологически фундированной* эпистеме. Подход синергичной антропологии естественно включает в себя, вырабатывает в себе элементы некоторой универсальной методологии, которая обладает «эпистемостроительными» потенциями. В каждом случае, в отношении каждого из гуманитарных дискурсов, мы, во-первых, характеризуем его в терминах антропологических проявлений, выделяя определенный класс проявлений, с которыми работает данный дискурс.

---

¹ Отсылаем читателей к работе С.С.Хоружего «Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта» (Вопросы философии, 2003, №1), в которой подробно изложена концепция Антропологической Границы.

Мы также находим достаточный набор специфических свойств этих проявлений. Затем, во-вторых, мы устанавливаем связь этого класса проявлений с Антропологической Границей. В общем случае, они, разумеется, не принадлежат непосредственно к Границе; но они могут иметь с ней связь. Эта связь, в свою очередь, может быть очень разной, и синергичная антропология описывает ее с помощью понятий «примыкающих», «ассоциированных», «участных» антропологических стратегий. И, наконец, в третьих, мы закладываем эту найденную связь в основу новой формулировки соответственного дискурса, как для синхронических, так и для диахронических его предметных структур. Такова примерная схема; и, конечно, в ее применении к конкретному материалу гуманитарного знания не должно быть жесткости и догматизма.

Подходы, выходы к антропологически фундированной эпистеме сегодня явны в повестке дня во многих предметных областях. В широком контексте сегодняшней научной ситуации синергичная антропология – это частный ручеек, частная логика, которая тоже ведет к этой магистральной эпистемологической задаче. И самое желательное здесь для нас – чтобы семинар стал рупором, форумом, площадкой этого актуального эпистемологического движения. Ценный пример другого подхода к магистральной задаче – подхода, уже реализованного в капитальных разработках, являет наследие Мишеля Фуко. Блестяще представленные Фуко история безумия, история наказания – классические образцы истории, переводимой в антропологическую перспективу, истории, строямой *sub specie anthropologiae*. В нашем контексте, это усилия, возникшие в другой логике, но решающие ту же задачу (и к тому же предметно, содержательно сделавшие куда больше, чем успела сделать пока синергичная антропология).

Наконец, стоит заметить, что в работе нашего семинара будет проводиться не только трансдисциплинарный, но и кросскультурный взгляд. Программа семинара мыслится кросскультурно и антиидеологично. Как мы уже говорили, в истоках программы, подхода синергичной антропологии – исихастские отцы; в частности, в России – преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Однако, к предшественникам синергичной антропологии можно относить и святого Бернарда Клервосского, и Эразма Роттердамского, в сочинениях которых мы тоже обнаруживаем синергичные принципы. Пути синергичной антропологии оказываются воздушными путями, идущими поверх барьеров, если использовать выражение Б.Пастернака. И, заканчивая, я выскажу пожелание, чтобы работа семинара шла тоже воздушными путями и поверх барьеров. Это поэтические формулы, но в мировой культуре русская поэзия закрепила себя прочней и бесспорней, чем русская философия. Благодарю за внимание.

А.И.Сосланд: Философская работа, как Вы о ней говорите, представляется как работа с сакральными практиками и практиками, так или иначе ведущими к изменению сознания, но многие подобные практики скомпрометировали себя. Не станет ли здесь философия аналогом наркотика?

С. С.Хоружий: Безусловно, область духовных практик соприкасается, тесно граничит с той, которую психология называет областью измененных состояний сознания. В современной культуре эта последняя область необычайно широка, она включает в себя самые разнородные явления, которые, притом, описываются на языке самого «размытого» словаря. Одни возникающие школы и группы характеризуют себя как духовные традиции с развитыми органами – в нашей терминологии, другие характеризуют себя как современные психотехники и между ними существует спектр всех промежуточных вариантов. Потому вся эта область и не удовлетворяет наш подход методологически и эпистемологически: с наших позиций, ее словарь концептуально не удовлетворителен, базируется на смешениях и наложениях.

Мне понятно, отчего в контексте психологической и психотерапевтической работы такие смешения и наложения возникают. Психотерапия заинтересована в исцелении, а не в том, насколько методологически строги применяемые средства. Но наш подход принципиально другой. Поэтому не только самохарактеристики и терминология групп, применяющих соответствующие практики, не может приниматься с доверием, но и дискурс научной психологии, занимающейся измененными состояниями сознания, неудовлетворителен тоже. И я решительно отмежевываю сферу синергийной антропологии от этой психологической территории и обозначаю ее как территорию смежную, но не ту же самую.

Для того и развивается теория Антропологической Границы, чтобы появилась возможность различения того, что здесь смешано. *Многообразные явления, которые в психологии одинаково квалифицируются как измененные состояния сознания, синергийная антропология относит к существенно разным областям.* Обычно смешиваются явления, относящиеся к онтологической топике (граница «бытие - инобытие») и к топике бессознательного (граница «сознание - бессознательное»). К сфере измененных состояний сознания, «границе» сознания, разумеется, принадлежит и то, и другое. Но мы имеем возможность четко сказать, что граница сознания, граница человеческого существования не однородна, она состоит из существенно различных участков, причем эти различия предметно, конструктивно характеризуются. Работа синергийной антропологии должна вестись на территории теорий измененных состояний сознания для того, чтобы разные предметные исследования в этой области

разложить по нашим топикам, дать им корректную локализацию в рамках Антропологической Границы. Если угодно, мы должны оказывать методологическую помощь этим предметным областям.

В. П. Зинченко: Сергей Сергеевич, Вы подчеркиваете все время православные корни синергийной антропологии и соответствующих ей духовных практик. Ну, во-первых, есть восточные духовные практики, есть Игнатий Лойола... И у каждого из них есть свои пути восхождения, и свое Иное, потому что Иное – это большой «икс», который Вы решили не расшифровывать. Но я подозреваю, что Вы и сами не знаете, что такое Иное. Мы находимся в светском институте, Вы апеллируете к научным работникам. Я студентам объясняю, что для религии главное – вера, для науки главное – сомнение... и насколько для Вас важны эти корни? Наука кое-что понимает по поводу измененных состояний сознания, энергичных проекций тела, но Вы, тем не менее, ни разу в своем докладе не указали на то, или иное исследование...

С. С. Хоружий: Я весьма подчеркивал и близость, и важность Фуко, говорил, что это – прямой сосед синергийной антропологии, если угодно, готовый блок ее методологии и программы. Или для вас он тоже неприемлем, как ультраправославный элемент?

В. П. Зинченко: Я межконфессиональный человек, но речь сейчас идет о некоем научном сообществе... Занимаясь синергийной антропологией, мы, что же, будем начинать всю науку заново, сначала?!

С. С. Хоружий: Назвав одну из своих книг «*О старом и новом*», я начал предисловие к ней с замечания, что любой конкретный научный результат можно при желании представить как радикально новое, а можно – как старое, можно встроить в традицию. Такие квалификации – эпифеномены, важно же существо. Я упомянул так мало имен, потому что у нас трансдисциплинарный подход, упоминаний требовалось бы непомерное множество. Необходимо было бы упоминать М.Хайдеггера, для психологической территории пришлось бы, разумеется, говорить о Ж.Лакане. А каждое подобное имя – ворох ассоциаций, Хайдеггера и Лакана даром не упоманешь! Поэтому я предпочитаю, чтобы они возникали уже в предметном разговоре, на следующих этапах работы. Когда же мы очерчиваем всю программу, весьма опасно упоминать кого-то, ибо сразу же надо охарактеризовать и отношения с ним, которые почти всегда не слишком просты, амбивалентны. К примеру, мы не собираемся принимать хайдеггеровскую онтологию, хотя и связаны с нею тесно. Я солидарен со многим из того, о чем пишет, например, Жан-Люк Нанси, в частности, с его четкими утверждениями о несостоятельности любых представлений о «сущности человека». Поэтому я считаю нужным, чтобы о его работах

возник разговор на семинаре; но это еще отнюдь не та внутренняя связь, когда его идеи входили бы в самую логику оснований синергийной антропологии.

В. П. Зинченко: То, что чья-то концепция человека несостоятельна – это пол беды, вообще не беда, даже если все концепции человека несостоятельны, лишь бы сам человек оказался состоятельным. Я так понял, что, наконец-то, совершилось гигантское антропологическое открытие, разрешена мировая загадка, найдено промежуточное звено между гоминидами и человеком. И это промежуточное звено – мы с вами. И с помощью синергийной антропологии мы можем попасть если не в зону, то хотя бы в перспективу ближайшего развития на пути к человеку, о котором Вы говорите. Правильно?

С. С. Хоружий: Телеологизм присущ многим антропологическим концепциям, однако, позицию синергийной антропологии я бы, конечно, не характеризовал как телеологизм. Телеологизм – позиция первого краеугольного камня синергийной антропологии: исихазм, безусловно, телеологичен, равно как и католические и все прочие духовные практики, по самому их определению. Это практики трансцендирования, и все они, тем самым, рассматривают человека как некое промежуточное звено. Так что, в этом смысле каждая духовная практика может квалифицироваться, как Вы сейчас сказали, как «грандиозное открытие, нашедшее промежуточное звено». Буддистский тантрический человек может быть понимаем в этих терминах и т.д. Это позиция духовных практик, в европейской мысли – позиция, скажем, Ницше. Но это не позиция нашего семинара.

В.П. Зинченко: А в позиции семинара надо, все-таки, достигать иного, правильно?

С. С. Хоружий: Позиция семинара позволяет исследовать все позиции. А то, чего мы стремились бы достигать, – это уже переход в экзистенциальный план.

В. П. Зинченко: Этого я и добиваюсь, я нарочито обостряю этот вопрос.

С. С. Хоружий: Пытаюсь Ваше обострение с удовольствием принимать.

В. П. Зинченко: То есть Иное это пока «икс»?!

С. С. Хоружий: Это метаантропология, это то, чего нет. Но для наших позиций это одна из областей самореализации человека. Есть еще совершенно другие области, а семинар создается для того, чтобы по возможности рассмотреть и то, и другое, а, возможно, открыть еще и пятое. Конфессионализма в таком подходе, разумеется, нет ни сном, ни духом, но должна быть способность понимания такого конфессионального опыта. Мы не становимся на его позицию, но понимаем его посредством участного сознания.

В. П. Зинченко: Меня это вполне устраивает: пути синергийной антропологии неисповедимы.

С.С. Хоружий: Можно сказать и так.

Е. Кнорр: Сегодня чрезвычайно актуален вопрос о границах человеческого бытия. Человек формирует, изменяет себя, но неизвестно, что получится в результате. Как определить ту границу, за которой человек перестает быть человеком?

С.С. Хоружий: Мы надеемся, что сможем дать материал для научной идентификации и локализации этих процессов. Очень может быть, что, действительно, поле исихастского опыта окажется ценным для ответа на эти вопросы. Но априори мы такого не утверждаем, а утверждаем другое – что у нас возникли очертания, контуры границы человека как он есть, и задача тех, кто этим аппаратом овладевает, осуществлять локализацию антропологических явлений: где они на этой границе или по отношению к ней. Таким образом, определяется и что они значат.

В. П. Зинченко: Меня в синергийной антропологии привлекает... я не могу сказать, что я ее люблю, – я ее знаю и читал работы Сергея Сергеевича. Меня привлекает то, что называется энергийной проекцией человека.

Почему я к Вам приставал, Сергей Сергеевич? Я ведь делал шаги Вам навстречу, причем не от своего имени, а от имени Алексея Ухтомского, Николая Бернштейна и др., потому что, по сути дела, в науке есть дорожка к душе, духовности, дорожка, открытая великими физиологами, – это то, что они называли «функциональными органами», которые komponуются либо в орган, либо в духовные организмы. И все это, так же, как и у поэтов, – у Пастернака, у Мандельштама, базируется на энергийной трактовке.

С. С. Хоружий: Так я этим с благодарностью пользуюсь. «Функциональный орган» – концепт, который у меня мелькает там и сям, и я его от Вас и воспринял.

В. П. Зинченко: А Мандельштам вообще замечательно сказал об этой энергии: «Это трансцендентальный привод». И вся проблема заключается в том, чтобы понять, откуда это, что это. Можно, конечно, сказать, что это божественные энергии. Это как Андрей Вознесенский, когда его спросили: «Как Вам стихи приходят в голову?!», ответил: «Мне их Господь диктует». И это мне кажется очень привлекательным в синергийной антропологии. А там уж как получится.

А.В. Ахутин: Доклад должен был звучать как программа семинара, но он прозвучал как установочный доклад. Так и виделось, что Институт философии будет теперь иметь таблички «Сектор синергийной эстети-

ки», «Сектор истории исихазма» и т.д. Но задумывалось и создавалось все совсем иначе. Об этом я могу свидетельствовать не только как участник замысла, но, прежде всего, как давний собеседник Сергея Сергеевича, хотя и собеседник весьма отдаленный.

Например, первый фундаментальный камень, на котором собирается строить свое здание Сергей Сергеевич, – на этом камне я, как говорится, не стоял. Я не исихаст и не православный, чтобы не было никаких неясностей. Мы с Сергеем Сергеевичем и нашим покойным другом Владимиром Вениаминовичем Бибихиным беседовали на эту тему, и я поражаюсь, какие разные, взаимоисключающие у нас позиции, и все же нам удается разговаривать довольно интересно, что, я надеюсь, было взаимным. Я, человек чуждый мистическим практикам, тем не менее, с огромным интересом читал книги Сергея Сергеевича. Я занимаюсь философией в самом заурядном смысле этого слова, как его понимали Платон, Аристотель, Хайдеггер, Фуко. Так вот, меня привлекает то, что понятия синергии и синергийной антропологии чрезвычайно значимы для философии, и современной философии в особенности. Для меня очевидно, что тематика синергийности, откуда бы она у Сергея Сергеевича ни выростала, затрагивает какой-то нерв современной интеллектуальной и духовной ситуации.

Я назову четыре пункта, которые хотелось бы присоединить к программе семинара, и по которым можно было бы сделать в дальнейшем один-два доклада. Во-первых, сама философия, если не путать ее со всякой мудростью, а немного сосредоточить внимание на филии, – слово придуманное, это неологизм, а, стало быть, он хочет назвать что-то новое, что-то не бывшее до сих пор. В VI в. ее греки придумали, и это значит, что до того времени такой вещи, как философия, не было. София как мудрость была, а вот философии не было. Это слово означает некую резкую оглядку от мудрости на человека. Дескать, есть какое-то особое подчеркнутое отношение между ними, а не просто человек и мудрость. Подчеркивается взаимодействие, взаимосотрудничество. Это не только труд преодоления человека и выхода в иной план бытия, но сам иной план бытия заинтересован в бытии человека. Между ними существует некая взаиморасположенность, поэтому моя тема – философия как синергия, в отличие от духовной практики, которая однонаправлена.

Синергия, сотрудничество происходит на границе, и можно проследить ее интерпретацию в философии: от античности до того, что у Канта называется трансцендентальной границей. Это тоже граница взаимодействия, сотрудничества человеческого и того, к чему человек обращен.

Вторая группа тем связана с понятием энергии, которое тоже неологизм, придуманный греками, и Аристотель прямо пишет, как он его придумывает. Энергия означает неосуществление того, что может быть осуществлено, как это обычно понимают. Вот, например, возьмем ситуацию – мое зрение и нечто, что я увидел. Энергия – это само видение, а из этого видения будет потом извлечено, что я мог бы увидеть, и кто такой, который мог бы увидеть. Энергия – это событие, после которого мы можем говорить, что собственно в это событие вступило. Значит, и то, что называется человеком с его природой, и та его природа, которую он воспринимает, есть результат события видения. Вот что значит энергия в аристотелевском простом видении.

Третий пункт – первичность события по отношению к тому, что в это событие вступает. Это означает, что никаких естественных природ, никаких сущностей, никаких заранее вступающих во взаимоотношения вещей нет в антропологическом горизонте. Есть результат некоторых событий. В этой связи, разумеется, мне необходимо, как человеку, занимающемуся философией, представить и рассмотреть чрезвычайно значимые хайдеггеровские понятия, прежде всего – *Dasein*.

И, наконец, последний пункт, который был по-своему упомянут Сергеем Сергеевичем, и который для меня чрезвычайно важен, поскольку с ним связан мой собственный краугольный камень. А именно: все, что я смог придумать, было осуществлено в рамках школы Владимира Соломоновича Библера, и это было связано именно с той кросскультурностью, о которой говорил Сергей Сергеевич. То есть событие, которое нависло над нами, это то самое событие смысловых событий, это не просто одно событие, мы попадаем в ситуацию многособытийную. Философия нам сразу же подскажет, что когда мы говорим об интенции человека к другому бытию, это бытие может в разных смыслах происходить, не только в духовных смыслах. Все остальные характеристики, которые Сергей Сергеевич приводил на аристотелевский манер, понимаются как формы лишенности, те, что находятся *внутри* границы. Аристотель бы сказал, что мы можем их понять, если поймем, *что* здесь обрезается и исчезает. А если мы начнем понимать их как факты и вещи, то ничего не получится просто потому, что их можно понять только как формы лишенности того, что полно, предельно. Исходя из идеи предельности, мы будем понимать, что такое недостаточность. Предельность современная для меня это то, что называется «событие событий», то есть многособытийность. И тут возникает спор, который мы давно вели с Сергеем Сергеевичем, и не очень друг друга поняли. Ведь эта многособытийность имеет форму виртуальности. Если всерьез брать

предельность как многособытийность, то это имеет характер виртуальный. Вот проблема, которую можно решать.

Перечисленные мной пункты и темы, с одной стороны, никак не затрагивают чистоту моей философской совести, а с другой, по-моему, целиком входят в содержание нашего семинара. Так это или не так?

С.С. Хоружий: Здесь опять помогает терминология территории. Философскую территорию я понял бы опять же как смежную, но уже в большей степени и прямо входящую. Здесь возникает необходимый дискурс отношения, где каждая из тем может пониматься в двоякой постановке.

Ты говорил о философии как синергии, но синергия здесь фигурировала в определенном историко-философском ключе, который не совсем совпадает с пониманием в русле синергичной антропологии. И с каждым из следующих понятий возникает та же приумножающая многомерность рассмотрения и возникает возможность двойного подхода: собственно в историко-философской перспективе, в которой у тебя это было описано, и уже в синергичной телеологии. Волей неволей, в этом русле какое-то переосмысление эти историко-философские реалии уже получили, и возникает задача соотнесения и сопоставления. Это весьма желательно.

Мы близки здесь к эпистемологической задаче, о которой я говорил выше. Если в случае с Фуко возникал двойной подход к историческому материалу, за счет выстраивания истории с точки зрения антропологии, то в отношении Лакана такой же двойной подход – к психологической внутренней реальности. Только к Лакану я бы еще добавил Ухтомского и Бернштейна с их подходом к соматике и открытиями в психосоматике. Я здесь не профессионал, но, когда я слушал Владимира Петровича, мне казалось, что если бы дополнить Лакана нашими школами, то вот это и была бы синергичная психология.

В. П. Зинченко: А под Лакана надо было бы подложить Гумбольта с его энергичной трактовкой языка и слова.

С.С. Хоружий: Целиком подписываюсь.